

© *М. К. АЗАДОВСКИЙ*

«ОНЕЖСКИЕ БЫЛИНЫ» ГИЛЬФЕРДИНГА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © К. М. АЗАДОВСКОГО)

Не только книги, — случается, и научные работы обретают уникальную, подчас драматическую судьбу. Это с полным правом можно сказать о статье М. К. Азадовского «„Онежские былины” Гильфердинга».

Первое (однотомное) издание «Онежских былин» — классического памятника русской фольклористики — относится к 1873 году: начатое при жизни Гильфердинга, оно было закончено уже после его смерти. Второе издание появилось в 1896 году. Будучи по существу перепечаткой первого издания, оно отличалось от него лишь форматом, количеством томов (три тома) и сопроводительным очерком, посвященным Гильфердингу (автор — К. Н. Бестужев-Рюмин).

Третье (и первое подлинно научное) издание «Онежских былин» было предпринято во второй половине 1930-х годов Институтом антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР по инициативе М. К. Азадовского, в то время — председателя Фольклорной Комиссии (в 1939 году передана в ведение Пушкинского Дома; ныне — Отдел народно-поэтического творчества). В письме к В. Ю. Крупянской (фольклористу и другу семьи Азадовских) Марк Константинович вспоминал 20 октября 1950 года: «Я разработал большой план переиздания классиков фольклора (Гильфердинг, Киреевский, Барсов, Афанасьев, Худяков и др.) в издании Академии Наук; подал докладную записку Мещанинову,¹ — он доложил ее в РИСО, — записку утвердили и решили начать с Гильфердинга».² Издание готовили к печати известные фольклористы А. И. Никифоров и Г. С. Виноградов, общую редакцию осуществляла коллегия в составе М. К. Азадовского, И. И. Мещанинова, А. С. Орлова и Ю. М. Соколова.

Издание было задумано в трех томах. В 1938 году Издательство АН СССР выпустило второй том, в 1940 году — третий. Первый том был полностью подготовлен (вступительная статья, написанная М. К. Азадовским, была завершена летом 1941 года), сдан в набор и — в сентябре 1941 года! — подписан к печати.³

3 сентября 1941 года Марк Константинович писал В. Ю. Крупянской из осажденного Ленинграда: «Как всегда бывает, многое движется по инерции, — и вчера мы с Анной Мих(айловной)⁴ весело смеялись, когда вдруг совершенно неожиданно нам прислали корректуру первого тома Гильфердинга».⁵ Том был вычитан и сдан обратно в типографию. Однако изданию — в условиях военного времени — не суждено было состояться. Корректурный экземпляр, видимо, погиб в блокадном Ленинграде, и третье издание «Онежских былин» осталось, таким образом, незавершенным.⁶

¹ Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — языковед и археолог; академик (1932); в 1934—1950 годах — академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР.

² Письмо хранится в личном архиве К. М. Азадовского.

³ В одном из отзывов о научной деятельности М. К. Азадовского, составленном дирекцией Пушкинского Дома (судя по содержанию, в 1941 году), отмечалось: «М. К. Азадовский явился также инициатором и участником переиздания классического наследия в области фольклора — 3-го издания „Онежских былин“ А. Ф. Гильфердинга I—III (т. 1 в производстве) М.—Л., 1938—1941 (Азадовскому принадлежит редакция и предисловие)...» (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 647. Л. 30 об.).

⁴ Астахова Анна Михайловна (1886—1971) — фольклорист, этнограф.

⁵ См.: Из писем М. К. Азадовского (1941—1954) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1978. С. 205.

⁶ См.: Азадовская Л. В. Из научного наследия М. К. Азадовского. (Замыслы и начинания) // Азадовский М. Статьи и письма. Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 202. Ср. также в письме М. К. Азадовского к Г. С. Виноградову от 10 октября 1943 года: «Недавно, м. пр., запрашивала меня А(нна) Мих(айловна) Астахова (...) о судьбе первого тома Гильфердинга, — который она надеется, почему-то, увидеть в печати. Отписал все, что знал. Но не знаю, по существу, где он: остался ли он в Ленинграде в типографии, или где-либо в эвакуации с издательством. Как жаль, что ни у кого из нас не осталось... корректурного экземпляра» (Ахулич О. А. Письма сибирских ученых периода Великой Отечественной войны (по материалам архива Г. С. Виноградова) // Краеведческие записки. Иркутск, 2003. Вып. 10. С. 104—105).

Сразу же после войны началась работа над четвертым изданием. В его основу был положен сохранившийся рукописный экземпляр, подготовленный в 1930-е годы А. И. Никифоровым и Г. С. Виноградовым. Вступительная статья для первого тома была заново написана М. К. Азадовским. В конце 1948 года подготовленное к печати издание поступило в Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР. 7 января Марк Константинович поставил свою подпись на титульном листе первого тома; 8 января 1949 года книга была отправлена в набор. На титульном листе значилось: «А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Том первый. Издание четвертое. Под общей редакцией М. К. Азадовского. Издательство Академии Наук СССР. Москва 1949 Ленинград». ⁷ (Издательский договор на редактирование был подписан 5 февраля 1949 года.)

Однако именно в феврале-марте 1949 года начались печально известные события, радикально изменившие судьбу Азадовского. Причисленный — наряду с другими ведущими ленинградскими учеными-филологами — к «безродным космополитам», Марк Константинович стал одной из наиболее заметных жертв той погромной кампании, что достигла наивысшего накала в апреле 1949 года на проработочных заседаниях в Ленинградском университете и Пушкинском Доме. ⁸ Имя Азадовского на несколько лет оказалось вычеркнутым из отечественной науки. При этом публичному осуждению и поношению подвергались, в первую очередь, его фольклористические работы. Через несколько недель после апрельских «проработок» Азадовский был отчислен из Университета, где с 1938 года возглавлял кафедру фольклора, а также — из Академии наук. ⁹ 9 мая 1949 года заместитель директора Пушкинского Дома (Б. П. Городецкий) официально уведомил Марка Константиновича о том, что «в соответствии со ст. 47 п. „ж” Кодекса законов о труде об истечении двух месяцев со дня утраты трудоспособности» он (М. К. Азадовский) освобождается от работы в Институте литературы АН СССР с 23 мая 1949 года. ¹⁰

⁷ Личный архив К. М. Азадовского. На сохранившемся титульном листе машинописи, предназначенной для типографского набора, — пометы и подписи: «В набор 8/1 (19)49. А. Соболев. Стр. 1 — 840. 7/1 1949 М. А(задовский). Зак(аз) 1321. Титул не набирать — титул и шмуцтитул — все клишированные».

⁸ Приведем характерный документ того времени — выписку из постановления Ученого совета Пушкинского Дома от 8 апреля 1949 года:

«Ученый Совет Института Литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, заслушав и обсудив доклад и. о. Директора Института, проф. Н. Ф. Бельчикова — „Итоги и задачи работы Института в свете статей партийной печати об антипатриотической группе театральных критиков” и полностью признавая правильность и своевременность указаний партии о решительной борьбе с компаративизмом и формализмом, космополитизмом и буржуазным объективизмом в науке и искусстве, ПОСТАНОВЛЯЕТ:

3. Выступления многих товарищей с оценкой работы Института и руководящих научных сотрудников правильно показали, что невыполнение плана п низкий научный уровень коллективных и индивидуальных работ, входивших в план Института на 1948 г., объясняются наличием в составе Института ряда научных работников, стоящих и до сего времени на враждебных марксизму-ленинизму компаративистских, формалистических и буржуазно-объективистских позициях. К их числу, в первую очередь, относятся проф. Б. М. Эйхенбаум, проф. М. К. Азадовский, проф. Г. А. Гуковский и член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский.

Верно: Ученый секретарь
Института Литературы АН СССР
Кандидат филологических наук

Д. С. Бабкин*

(ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 649. Л. 48).

⁹ Подробнее об этом см.: Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83—135.

¹⁰ Личный архив К. М. Азадовского. Следует сказать, что уже через месяц с небольшим Бюро Отделения языка и литературы, выслушав сообщения об освобождении М. К. Азадовско-

Одновременно дирекции Пушкинского Дома предстояло решить простой вопрос: что делать с плановыми работами Азадовского — полностью завершенными, одобренными и принятыми к печати? В частности — с изданием «Онежских былин», где Марк Константинович был ответственным редактором, а также — автором вступительной статьи.

Публикация вступительной статьи, к тому времени уже набранной, была приостановлена в мае 1949 года; дирекция Пушкинского Дома направила ее на отзыв В. Г. Базанову. 30 мая 1949 года готовая рецензия была оглашена автором на «рабочем заседании» Сектора фольклора, где обсуждалась статья М. К. Азадовского об «Онежских былинах». Приводим, без пропусков, протокол этого заседания как характерный «документ эпохи», ярко свидетельствующий о ситуации (не в последнюю очередь — нравственно-психологической), сложившейся в связи с увольнением Азадовского из Академии наук и начавшимся вытеснением его имени из отечественной науки:

Протокол № 21 рабочего заседания Сектора фольклора
от 30-го мая 1949 г.

Присутствовали:¹¹ А. М. Астахова,
В. Я. Пропп, В. Г. Базанов, П. Г. Ширяева,
В. А. Кравчинская, Г. Г. Шаповалова и М. Я. Парижская.¹²

Повестка дня:

Обсуждение статьи М. К. Азадовского
к I-му тому «Онежских былин» Гильфердинга.

Открывая заседание, А. М. Астахова предлагает присутствующим высказываться, имея в виду, что все участники ознакомились со статьей.

В. Г. БАЗАНОВ высказывает сожаление в том, что автор статьи не присутствует на ее обсуждении, и зачитывает свое мнение о ней. В. Г. Базанов указывает ряд мест, которые считает дискуссионными. (Рецензия В. Г. Базанова прилагается к протоколу.¹³)

В. Я. ПРОПП подчеркивает, что даже при беглом ознакомлении со статьей у него сложилось совершенно определенное мнение об ее неудовлетворительности: у М. К. Азадовского существует давнишняя заветная мысль, что Гильфердинг — представитель 60-х годов, который осуществля-

---

го от должности заведующего Сектором фольклора Института русской литературы, принял решение, состоявшее из двух пунктов: «Согласиться с решением дирекции Института русской литературы» об освобождении М. К. Азадовского от должности заведующего Сектором фольклора и «Рекомендовать дирекции Института рассмотреть вопрос о возможности использования М. К. Азадовского в штате Института в должности научного сотрудника» (Там же). К сожалению, тогдашнее руководство Института (в первую очередь — его директор Н. Ф. Бельчиков, назначенный на эту должность весной 1949 года) сделало все возможное для того, чтобы воспрепятствовать возвращению Марка Константиновича в Пушкинский Дом.

¹¹ В перечне присутствующих на заседании лиц пропущена (видимо, по небрежности) С. Д. Магид (1892—1954).

¹² Впоследствии — М. Я. Мельц (1924—2003).

¹³ Текст рецензии сохранился в двух экземплярах: черновая машинопись с правкой В. Г. Базанова и окончательный машинописный экземпляр (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949). Ед. хр. 22. Л. 73—80 об.). Дата — 30 мая 1949 года.

ет заветы Добролюбова. Эта мысль по существу своему глубоко порочна. Соответственно всему стилю статей М. К. Азадовского, он старается революционизировать предмет своих занятий. Так, Веселовский был им подан через Чернышевского, здесь Гильфердинг подан на фоне Добролюбова. Эта мысль — основная концепция Марка Константиновича — и здесь она не пересмотрена. 60-е годы поданы механически, и в одну линию «золотого века» вытянуты Барсов, Худяков, Рыбников, Майков (стр. 1—2), разделенные только запятыми, без всякого водораздела между ними. Сама концепция не созвучна тому, что мы сейчас имеем. М. К. Азадовский понимает, что это надо «уточнить», «оговорить», но самая концепция от этого не спасается. Такова, например, формулировка: «Идея свободы у Гильфердинга имеет несколько славянофильскую окраску». В дальнейшем В. Я. Пропп возражает против определения М. К. Азадовского «русской школы фольклористов» от Рыбникова до Ольденбурга. Но какая же это «русская школа»? Здесь все подчинено индивидуальному творчеству отдельных сказителей. Общее впечатление таково, что М. К. не пересмотрел своих взглядов на Гильфердинга. Возможно, что сейчас он написал бы эту статью иначе.

П. Г. ШИРЯЕВА. Формально статья М. К. Азадовского не вызвала у меня никаких острых обвинений в космополитизме. Написана она гладко. У меня есть ряд замечаний, которые я хотела бы вынести на обсуждение. Мне кажется бесстрастной ссылка Азадовского на Чернышевского, который отмечает положительное в исследованиях Гильфердинга и критикует за политическую слабость его в вопросе славянских исследований (стр. 10). Не раскрывает социальной направленности Гильфердинга простое отнесение его в один ряд с Киреевским, Аксаковым, Хомяковым (стр. 9). Недостаточно убедительно звучит опровержение Азадовским «легенды», будто основной целью поездки Гильфердинга в Олонецкий край было стремление лично убедиться в подлинности записей Рыбникова (стр. 13).

Противоречивым кажется, с одной стороны, указание Азадовского на панславизм Гильфердинга (стр. 19), а с другой, — на близость Гильфердинга к «Современнику». «Уже „Современник“ внушал Гильфердингу новую точку зрения на сделанные им наблюдения» (стр. 22). Очевидно, следует раскрыть действительное отношение Гильфердинга к «Современнику». На стр. 32—33 говорится о полярности интереса Рыбникова и Гильфердинга, в действительности же данная статья не оставляет впечатления об этой «полярности» взглядов Рыбникова и Гильфердинга. Считает ошибочным утверждение Азадовского о том, что фольклористы XX в. только развивали метод Гильфердинга. Метод нельзя рассматривать в отрыве от методологии, и такое утверждение явно ошибочно (стр. 33—34). Последний абзац статьи ничего не говорит о значении труда Гильфердинга, и в таком изложении этот абзац следовало бы или снять или расширить. Статья может пойти в печать после необходимой переработки.

В. А. КРАВЧИНСКАЯ. Приступая к чтению статьи М. К. Азадовского, мы, работники Отдела фольклора, условились не обмениваться впечатлениями до рабочего заседания, чтобы тем самым сохранить полную независимость суждений. Теперь выяснилось, что мнения высказывавшихся в значительной части совпадают.

Я нахожу, что политические воззрения Гильфердинга, характер его панславизма, раскрыты в статье недостаточно. Об его исследованиях в области славянского языка сказано в общих выражениях (стр. 14): «Оба эти исследования имели резко выраженный тенденциозный характер: многообразие явлений жизни языка излагались и объяснялись с позиций правоверного славянофильства при невероятном насилии над фактами».

Далее: очень важно было бы привести подлинную цитату Чернышевского о Гильфердинге, не заменяя ее изложением автора. Плохо связывается с позицией «правоверного славянофильства» влияние «Современника» на Гильфердинга (стр. 27). «Уже „Современник” внушал Гильфердингу новую точку зрения на сделанные им наблюдения». Недостаточно сказано о Гильфердинге как собирателе. Я согласна с В. Я. Проппом в отношении оценки им стиля работ М. К. — обилия оговорок и уточнений, затемняющих общие суждения при всей внешней изящности изложения. Считаю, что статья может быть опубликована после внесения в нее всех указаний и исправлений.

С. Д. МАГИД. Я с большим интересом прочитала статью М. К. и узнала много для себя нового, но также нахожу, что нужно внести в нее более точные формулировки. Согласна с замечаниями В. Г. Базанова о том, что христианское направление было в свое время прогрессивным. Статья нуждается в редакционных исправлениях, после чего может быть опубликована.

А. М. АСТАХОВА. Вводная статья должна дать оценку замечательного труда Гильфердинга «Онежские былины» как ценнейшей части классического наследия. Считаю правильным, что М. К., говоря о достоинствах текстового материала Гильфердинга, сопоставляет его с менее тщательными записями Рыбникова, который записывал не с голоса, а со слов, опрозрачивал стих. У Гильфердинга были свои недостатки, но по сравнению с прежними собирателями его записи для того времени были вершиной. Со стороны оценки Гильфердинга как собирателя статья М. К. меня удовлетворяет. Что касается статьи Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее рапсоды», то в ней дан ряд наблюдений и истолкований их, и М. К. вполне правильно, критически отнесся к этой статье. Чтобы уяснить идеологическую направленность Гильфердинга, нужно было окружить эту статью рядом других работ его, и это было сделано М. К. Азадовским вполне правильно. А. М. Астахова указывает, что только одно место (стр. 27) вызывает у нее некоторое сомнение: «Высокое нравственное достоинство и духовная цельность олонецкого крестьянина были для Рыбникова залогом его революционных возможностей, для Гильфердинга — свидетельством прочных и крепких „народных” устоев».

Думал ли Рыбников о возможности революции? Но, может быть, это сопоставление и верно.

С некоторыми замечаниями В. Г. Базанова А. М. Астахова соглашается, напр(имер) (1 стр.) о том, что все собиратели 60-х гг. поставлены в один ряд, неправильно также утверждение, что советская фольклористика только развила метод Гильфердинга. Все остальные критические высказывания абсолютно неправильны. То, что говорил Вл. Як. Пропп, вызвано тем, что он не вчитался в статью. С рядом высказываний П. Г. Ширяевой не согласна, потому что они не подтверждаются самим текстом. Не согласна с замечанием, что Марк Константинович хотел «поднять» Гильфердинга. Как раз он его «опустил», но сделал это в меру. Правильно ли высказывание насчет панславизма — не знаю — как должно звучать. Может быть, здесь действительно надо внести некоторые уточнения. Концовка статьи дает обобщение. Считаю эту статью вполне правильной, доброкачественной, нуждающейся лишь в некоторой редакционной правке.

В. Г. БАЗАНОВ. Если согласиться с Владимиром Яковлевичем (Проппом. — К. А.), то вообще нужно похоронить Гильфердинга и вовсе его не издавать. Ошибка М. К. в том, что он старался сделать Гильфердинга хуже, чем он есть (в связи с панславизмом), и мало уделил внимания Гильфердин-

гу как собирателю. Почувствовав, что он слишком снизил Гильфердинга, М. К. пытается его реабилитировать, утверждать, что он шел в духе «Современника» и является чуть ли не духовным отцом Астаховой и Соколова. Нам не нужно ни улучшать, ни ухудшать Гильфердинга. Под влиянием освободительного движения эпохи Гильфердинг сумел подняться выше, чем он был в 50—60-е годы. Тогда оправдано будет и издание Гильфердинга. Вопрос о панславизме надо пересмотреть.

А. М. АСТАХОВА, подводя итог высказываниям, говорит, что все сошлись на том, что статья после внесения в нее необходимых редакционных изменений может быть опубликована.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СЕКРЕТАРЬ

А. Астахова
В. Кравчинская.¹⁴

Не следует обманываться насчет «либеральной», казалось бы, резолюции коллег-фольклористов («может быть опубликована»). Все участники обсуждения прекрасно понимали, что последнее слово в данном случае не за ними, а за ново назначенным директором Пушкинского Дома — Н. Ф. Бельчиковым. Понимали и то, что «обсуждение» статьи М. К. Азадовского носит в целом ритуальный характер: проработки ошельмованных деятелей науки и культуры стали к тому времени обычным явлением, не лишенным подчас известного схематизма. И уж ни у кого, надо думать, не вызывало сомнений, что Марк Константинович — справедливы или не справедливы были частные суждения по поводу его статьи — не станет ее перерабатывать по замечаниям Ширяевой и Кравчинской.

Нам неизвестны все перипетии и дискуссии вокруг многострадальной статьи в июне-июле 1949 года. Ясно одно: к середине лета дирекция Пушкинского Дома произнесла, наконец, «последнее слово»: статья была снята и заменена новой; исчезла также фамилия Азадовского как ответственного редактора четвертого издания «Онежских былин».

В августе 1949 года Марк Константинович (он отдыхал в то время с семьей в Доме творчества писателей в Дзинтари под Ригой) получил от Издательства Академии наук официальное письмо, датированное 10 августа:

«Многоуважаемый Марк Константинович,
доводим до Вашего сведения, что на основании отношения Института русской литературы от 20 июля с. г.¹⁵ ввиду Вашей болезни мы должны будем расторгнуть существующий с Вами договор за № 220 от 5 февраля с. г. с уплатой по нему Вам 60 %, как обусловлено в договоре, а на остальную сумму заключить договор с вновь назначенным редактором А. Т. (так! — К. А.) Астаховой.

И. о. директора Л(енинградского) О(тделения)
Изд-ва АН СССР

Д. Рыжаков».

В тот же конверт было вложено и второе уведомление:

«Многоуважаемый Марк Константинович,
на Вашу статью в сборнике „Онежские былины“, т. 1, собранные А. Ф. Гильфердингом, договор нами не заключался. Решением Ученого Совета Ин-та

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949). Ед. хр. 22. Л. 71—72 об.

¹⁵ Текст «отношения» не известен.

Русской литературы¹⁶ статья снята и заменена новой, хотя она и была набрана. Возвращаем Вам рукопись статьи.

И. о. директора Л(енинградского) О(тделения)
Изд-ва АН СССР

Д. Рыжаков». ¹⁷

Редактором четвертого издания «Онежских былин», как видно из первого письма, была назначена А. М. Астахова (в прошлом — ученица М. К. Азадовского, возглавившая после его увольнения Сектор фольклора); ее имя как «ответственного редактора» значится на титульном листе всех трех томов этого издания, выпущенного в 1949—1951 годах.¹⁸

Первый том вышел в конце 1949 года.¹⁹ «Видели ли первый том „Онежских былин“ Гильфердинга, „под ред. А. М. Астаховой“? — спрашивал Марк Константинович Ю. Г. Оксмана в письме от 13 января 1950 года. — Вот у меня и еще прибавился псевдоним. Зато обратите внимание на вступительную статью». ²⁰

Автором вступительной статьи был В. Г. Базанов (до августа 1949 года — старший научный сотрудник Пушкинского Дома). Его статья также обсуждалась на рабочем заседании Сектора фольклора; выступали В. А. Кравчинская и А. М. Астахова. Первая сообщила, что «мнение ее и П. Г. Ширяевой о статье В. Г. Базанова совпали в том отношении, что статья является очень интересной и содержит в себе яркую и глубокую характеристику Гильфердинга как общественного деятеля и ученого, вскрывает реакционность его политических взглядов и в то же время указывает на громадную заслугу его как собирателя северных былин, внесшего ценный вклад в русскую фольклористику». А. М. Астахова лаконично отметила, что «статья В. Г. Базанова хорошо написана, свежа и интересна». Сам Василий Григорьевич выразил удовлетворение тем, что «проделанная им работа по Гильфердингу принесла хорошие результаты», и поблагодарил А. М. Астахову, В. А. Кравчинскую и П. Г. Ширяеву «за положительную оценку его статьи и за сделанные замечания». ²¹

Любопытна резолютивная часть этого документа: «Просить В. Г. Базанова договориться с издательством АН СССР о точном количестве страниц в

¹⁶ Протокол заседания Ученого совета, на котором было принято такое решение, не обнаружен.

¹⁷ Оба письма — в архиве М. К. Азадовского.

¹⁸ Аналогичная судьба постигла и другой коллективный труд, инициатором и редактором которого был М. К. Азадовский, — сборники «Советский фольклор» (первые семь выпусков вышли в 1934—1941 годах). Восьмой том, составленный еще до войны и переработанный заново в 1946—1948 годах, значился тогда в годовых рабочих планах Сектора фольклора. Весной 1949 года этот том был «передоверен» В. Г. Базанову, назначенному ответственным редактором и написавшему к нему вступительную статью («Задачи советской фольклористики на современном этапе»). Вопрос о судьбе восьмого тома «Советского фольклора» подробно обсуждался на заседании Ученого совета Пушкинского Дома 13 сентября 1949 года — в связи с новой рецензией, написанной А. Д. Соймоновым (см.: ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949). Ед. хр. 17. Л. 9—28). Тем не менее сборник так и не увидел света; издание «Советского фольклора» прекратилось (см. об этом: *Азадовская Л. В.* Указ. соч. С. 200—201). Работа над девятым томом «Советского фольклора», начатая М. К. Азадовским в 1948—1949 годах, после его увольнения не продолжалась.

¹⁹ В отчете Сектора фольклора за 1949 год указывалось: «Издан 1-й том „Онежских былин“ Гильфердинга. Редактор А. М. Астахова. — 50 п. л.» (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949). Ед. хр. 8. Л. 29; дата отчета — 26 ноября 1949 года).

²⁰ Марк Азадовский — Юлиан Оксман. Переписка 1944—1954 / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 1998. С. 136.

²¹ Протокол № 24 рабочего совещания Сектора фольклора ИРЛИ АН СССР от 8-го августа 1949 г. // ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1949). Ед. хр. 22. Л. 130—131 об.

статье и сообразно с этим произвести сокращение 1-ой части и по внесении указанных исправлений передать статью издательству».²²

Чем была вызвана необходимость договариваться с издательством «о точном количестве страниц»? Ответ возможен только один. Первый том Гильфердинга был уже сверстан, и статью Базанова — чтобы избежать лишних типографских расходов — желательно было в точности подогнать под статью Азадовского, чье имя, кстати сказать, на «совещании» 8 августа 1949 года ни разу не упоминалось.

Однако автор новой вступительной статьи все же уделил своему предшественнику известное внимание. Приведя отрывок из статьи М. К. Азадовского 1946 года «Русская фольклористика и славянские страны»,²³ Базанов, еще недавно пенявший Азадовскому за «принижение» Гильфердинга (сделал «хуже, чем он есть»), обвинял его теперь в том, что он чрезмерно «выдвигает» Гильфердинга, ставит его в один ряд с Рыбниковым и т. п. «В трудах М. К. Азадовского, — писал Базанов, — „русская школа“ получила совершенно неправильное определение: у истоков ее оказались Рыбников и Гильфердинг, по их стопам следует русская фольклористика начала XX в. и даже советская фольклористика. Отличительной чертой „русской школы“ М. К. Азадовский считает учение о творческой индивидуальности в фольклоре, проблему сказительства в вариативности фольклорных текстов. Взяв за основу в определении своеобразия русской фольклористической мысли решение вопроса о соотношении личного и коллективного начала в фольклоре, М. К. Азадовский и его ученики невольно должны были выдвигать на первый план Гильфердинга».²⁴

Упрекая далее Азадовского в односторонности, «эмпирическом» подходе к фольклору, «формалистическом методе» и иных грехах, В. Г. Базанов завершает свою статью опять-таки полемическим аккордом: «Многие недостатки и ошибки советских фольклористов (Ю. М. Соколова, М. К. Азадовского, А. М. Астаховой и В. И. Чичерова), чрезмерно преувеличивавших значение местных вариантов и „личной стихии“, объясняются не критическим отношением к наследию Гильфердинга».²⁵

Упреки В. Г. Базанова производят в целом довольно-таки странное впечатление.²⁶ Не вдаваясь в фольклористический аспект полемики (значение местных вариантов и «личного начала»), отметим лишь, что в заметке 1946 года, на которую ссылается В. Г. Базанов, Азадовский упоминает о Гильфердинге лишь однажды — в перечислении. А в своей статье, впервые публикуемой ниже, Азадовский как раз подчеркивает ошибочность отдельных тезисов Гильфердинга, указывает на славянофильскую окраску его

²² Там же. Л. 131 об.

²³ Научный бюллетень Ленингр. гос. ун-та. Л., 1946. № 11—12. С. 74.

²⁴ Базанов В. Г. А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины» // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 19—20.

²⁵ Там же. С. 28.

²⁶ Рискнем предположить, что приведенные пассажи, отнюдь не делающие чести их автору, были, в известной мере, «навязаны» ему жесткими условиями той общественной ситуации, в которой он — как и другие ученые — оказался весной 1949 года. Необходимо, однако, упомянуть и другое обстоятельство: с годами Василий Григорьевич изменился, во всяком случае, в своем отношении к М. К. Азадовскому. Приведем мнение одной из современниц В. Г. Базанова, хорошо его знавшей: «...Вася был человеком далеко не однозначным. Я уже писала о том, как во время „космополитической кампании“ он, будучи в Петрозаводске, клеймил Азадовского. Но вернувшись в Ленинград, помогал ему же проталкивать в печать некоторые работы, а после смерти Марка Константиновича принял самое непосредственное участие в судьбе его сына» (Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Книга о пережитом. Петрозаводск, 2007. С. 284—285).

взглядов, пишет о различии и даже «полярной противоположности» воззрений Рыбникова и Гильфердинга.

Еще более нелепым представляется упоминание — в ряду авторов, «некритически» воспринимающих Гильфердинга, — имени А. М. Астаховой, *ответственного редактора* четвертого издания.

Первый том этого издания, выпущенный в 1949 году, открывался информативной справкой; в ней кратко излагалась история трех предыдущих изданий «Онежских былин» Гильфердинга. Есть основания полагать, что этот текст, озаглавленный «От редакции», первоначально принадлежал перу М. К. Азадовского.

Возвращенная из издательства рукопись²⁷ пролежала в письменном столе Марка Константиновича вплоть до его смерти в 1954 году; он ни разу к ней более не прикоснулся. После его смерти Л. В. Азадовская, вдова ученого, сняла с рукописи машинописную копию, текст которой сохранился в семейном архиве и послужил основой для настоящей публикации.

Текст статьи публикуется полностью, без изменений и сокращений. Современный читатель наверняка сумеет отделить наблюдения и оценки крупнейшего ученого-фольклориста от формулировок, характерных для стилистики той эпохи (таковы, например, пассажи о «политической сущности» высказываний Гильфердинга, «разоблаченной» Чернышевским, о позднейших представителях славянофильства, «окончательно и тесно сомкнувшихся с реакционным фронтом», или о «боязни растущего класса пролетариев и их влияния», которую якобы испытывал Гильфердинг).

Отдельные места в машинописи (пропущенные или недописанные даты, отсутствующие примечания и т. п.) позволяют предположить, что М. К. Азадовский намеревался, — видимо, при чтении корректур — внести в текст ряд необходимых уточнений, в основном библиографического порядка. Мы позволили себе завершить эту техническую часть работы. Нами выполнен также ряд примечаний, недостающих или незавершенных в машинописной редакции, сверены все цитаты; устранены явные опечатки и несоответствия. Пропущенные в машинописи слова поставлены в угловые скобки. Примечания приведены в соответствии с современными требованиями.

---

²⁷ В настоящее время — в архиве М. К. и Л. В. Азадовских (РГБ. Ф. 542).